



Автобиография

Бенджамина Франклина



ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Бенджамин Франклин

Автобиография

Бенджамина Франклина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303356

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2021

ISBN 9780880007818

Аннотация

Бенджамин Франклин (1706–1790) – один из отцов-основателей США, политический деятель, дипломат, ученый, писатель, журналист, издатель. Он был тем, кто скрепил своей подписью Декларацию независимости США, Конституцию США и Версальский мирный договор 1783 года, чем формально завершил войну за независимость тринадцати британских колоний в Северной Америке от Великобритании. Это три основных документа, на которых выстраивались Соединенные Штаты. Франклин был 15-м ребенком в семье, и, казалось, что его жизнь определена наперед. Однако ему удалось пройти путь от помощника продавца сальных свечей до почитаемого руководителя государства. «Автобиографию» Бенджамин Франклин задумал как рассказ сыну о семье и, собственно, о своем жизненном пути и опыте. Он не собирался ее публиковать. Однако впоследствии появилось желание вынести этот рассказ на широкую публику, чтобы

объяснить молодым людям, что такое настоящий успех и как его достичь. «Автобиография» – увлекательная история жизни реального человека, написанная им самим искренне, без прикрас.

Содержание

I. Родословная и ранняя молодость в Бостоне	5
II. Начиная жизнь печатника	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бенджамин Франклин

Автобиография

Иллюстрированное издание

I. Родословная и ранняя молодость в Бостоне

Твиффорд¹, хорепископ святого Асафа, 1771 год.

Дорогой сын! Мне всегда было интересно получать даже маленькие весточки о моих предках. Возможно, ты помнишь, как я разыскивал оставшихся в живых своих родственников, когда ты был со мной в Англии, и то путешествие, в которое я отправился с этой целью. Представляя, что многие из неизвестных тебе обстоятельств моей жизни могут стать так же интересными и, ожидая неделю наслаждения непрерывным досугом на пенсии в стране моего нынешнего пристанища, я сажусь за рассказ о них. К этому меня побуждают

¹ Маленькая деревня неподалеку от Винчестера в Хемпшире, который находится на юге Англии. Здесь была загородная усадьба епископа Санкт Асафу, доктора Джонатана Шипли, «доброго епископа», как любил о нем говорить доктор Франклин. Их отношения были близкими и доверительными. За своей кафедрой и в Палате лордов, а также в обществе епископ всегда выступал против жестких мероприятий Короны относительно Колоний. Бигелю.

и другие причины. Пройдя путь из бедности и тьмы, в которых я родился и вырос, к какому-никакому богатству и влиянию, я завоевал хорошую репутацию в мире, а также продвинулся так далеко на жизненном пути благодаря большой удаче и использованным мною подручным средствам, – слава Богу, все это замечательно сработало – надеюсь, что потомкам пригодятся мои советы, ведь они, вероятно, могут однажды оказаться в похожей ситуации, следовательно, смогут ими воспользоваться.

Когда думаю об удаче, побуждавшей меня иногда говорить, что если бы у меня был выбор, то я бы не отказался прожить свою жизнь еще раз и просил бы только об исправлении во втором ее издании некоторых ошибок первоисточника. А так можно было бы, кроме корректирования ошибок, заменить некоторые несчастные случаи и события на более благоприятные. Но если бы мне в таких изменениях отказали, я бы все равно принял предложение. Следовательно, принимая во внимание, что такое повторение мне не предстоит, наиболее вероятная возможность прожить свою жизнь еще раз есть у меня по воспоминаниям, а чтобы сделать эти воспоминания более живыми и максимально долговечными, я должен их записать.



Также я буду потворствовать такой характерной для старого человека склонности говорить о себе и своем прошлом и не буду надоедать тем, кто чувствовал бы себя обязанным выслушивать меня из уважения к моему преклонному возрасту. А так у желающих будет выбор: читать или нет. И последнее (я должен признаться в этом, ведь моим возражениям никто все равно не поверит), наверное, я должен основательно удовлетворить свое тщеславие². Действительно,

² По этому поводу Вудро Вильсон сказал: «И неожиданная и волшебная особенность этой книги «Автобиографии» в том, что (просто поймите это) в ней нет ничемного тона чванства, но есть лишь трезвая и искренняя оценка доблестного мужа собственного карьерного пути». Гиббон и Хьюм – выдающиеся британские историки, современники Франклина, высказывавшие в своих автобиографиях те

как только я вижу или слышу слова «Без всякого умысла на хвастовство, должен сказать...», как сразу за этим следуют какие-то тщеславные слова. Большинство людей ненавидят тщеславие в других, даже если обладают им сами; но я даю ему справедливую оценку, где бы я ни сталкивался с ним, будучи убежденным, что оно зачастую может быть полезным для человека, обладающего им, и его окружения; а следовательно, во многих случаях, не было бы слишком абсурдным поблагодарить Бога за свое тщеславие вместе с другими преимуществами нашей жизни.

А теперь, благодаря Богу, я хотел бы со всем смирением признать, что обязан своим счастьем Его хорошему провидению, которое привело меня к моим достижениям и успехам. Вера в это пробуждает во мне надежду (хотя я не должен позволять себе этого), что такая же благодать будет сопровождать меня, умножая это счастье, или даст возможность мне пройти через роковые неудачи, которые могут втретиться мне так же, как и другим; будущая судьба известна только Ему одному, в его воле благословить нам даже наши страдания.

Заметки одного моего дяди (который имел такой же интерес к сбору наших семейных историй), попавшие однажды в мои руки, помогли получить информацию относительно наших предков. Из этих записок я узнал, что наша семья жила в том же городке Эктон в Нортгемптоншире, в течение трехсот

лет, а может, и больше – он не знал (возможно, еще с тех пор, когда имя Франклин, которым ранее называли класс людей³, начали брать себе в качестве фамилии, как только фамилии начали использоваться во всем королевстве), на фригольд размером около 30 акров, занимаясь кузнечным делом, традиция которого продолжилась в нашей семье до его дней: старший сын всегда учился этому делу; данная традиция передавалась старшим сыновьям и дошла до него и моего отца. Когда я просмотрел регистрационные книги в Эктоне, то нашел записи только от 1555 года об их днях рождения, свадеб и похорон, никаких записей о предыдущем периоде в том приходе не было. Из того реестра я узнал, что был младшим сыном младшего из сыновей на пять поколений назад. Мой дед Томас, родился в 1598 году, жил в Эктоне пока не стал старым для ведения бизнеса, и ушел жить к своему сыну Джону, красильщику из Барбери, находящегося в Оксфордшире, у него мой отец работал подмастерьем. Там умер и похоронен мой дед. Мы видели его могилу в 1758 году. Его старший сын Томас жил в доме в Эктоне и оставил его вместе с землей своему единственному ребенку – дочери, которая со своим мужем Фишером из Веллингборо продала его мистеру Истеду, настоящем хозяину того имения. У моего деда было четыре сына, которые достигли зрелого возраста: Томас, Джон, Бенджамин и Иосия. Я расскажу тебе о них все, что известно из моих бумаг, и если они не потеряются в

³ Мелкий землевладелец.

мое отсутствие, ты найдешь в них еще больше подробностей.

Томаса отец воспитывал кузнецом; но, будучи толковым и способным к обучению (такими были все мои братья), он под влиянием эсквайра Палмера, тогда первого джентльмена в приходе, захотел посвятить себя делу писаря, стать значительным лицом в своей округе. Он был главным двигателем всех патриотически настроенных начинаний в стране, города Нортгемптона и его родного города, со многими инстанциями которого он был связан; ему во многом помогал и опекал тогдашний лорд Галифакс. Он умер 6 января 1702 года по старому стилю⁴, всего за четыре года до дня моего рождения. Рассказы некоторых стариков из Эктона, описывавших его жизнь и характер, вспоминаются мне и поражают своей экстраординарностью, поскольку так все похоже на то, что вы знаете обо мне. «Если бы он умер в тот же день, – сказали бы вы, – можно было бы говорить о переселении душ».

Джон обучился красильному делу, как мне кажется, стал красильщиком шерсти. Бенжамин обучился красить шелк,

⁴ 17 января по новому стилю. Эта реформа календаря 1582 года произведена Папой Григорием XIII. В Англии ее осуществили в 1752 году. Каждый год от Рождества Христова, число которого не делится на 4, а также годы, числа которых делятся на 100, но не делятся на 400, насчитывают 365 дней, все остальные годы насчитывают 366 дней (високосные годы – Прим. ред.). В XVIII веке разница между старым и новым стилем летоисчисления составляла одиннадцать дней, Английский Парламент изменил это, сделав третье сентября 1752 года четырнадцатым сентября. Григорианский календарь, или «новый стиль», в некоторых странах был введен значительно позже, в частности в Украине это произошло в 1918 году – Прим. переводчика.

он служил подмастерьем в Лондоне, был остроумным человеком. Я хорошо его помню, ведь когда я был мальчиком, он приезжал к отцу в Бостон и жил несколько лет в нашем доме. Он дожил до почтенного возраста. Его внук, Самюэль Франклин, живет теперь в Бостоне. Он оставил после себя два тома своей собственной поэзии, состоящей из коротких окказийных стихов, адресованных друзьям и знакомым, один такой образец прислали мне⁵. Он придумал собственный метод стенографии, которому обучил и меня. Однако, не имея возможности практиковаться, я все забыл. Меня назвали в честь этого дяди, поскольку мой отец был особенно расположен к нему. Он был очень набожным, часто ходил на проповеди лучших проповедников, которые записывал своим методом стенографии: таких записных книжек у него было много. Он также интересовался политикой, вероятно, даже слишком, как для его положения. Недавно в Лондоне в мои руки попала собранная им коллекция памфлетов, посвященных государственной политике – с 1641 по 1717 год многих томов, как видно из нумерации, не хватает, но осталось все же восемь больших фолиантов и двадцать четыре малых фолианта. Их нашел букинист и, зная меня по моим у него покупкам, отдал их мне. Мне кажется, мой дядя оставил их здесь, когда отправился в Америку, то есть примерно 50 лет назад. Там есть много его пометок на полях.

Наша необразованная семья жила в ранней Реформации,

⁵ Этот образец отсутствует в рукописи «Автобиографии».

и продолжила при протестантах во время правления королевы Марии, иногда подвергаясь опасности из-за своего упорного противостояния папизму. У них была английская Библия и, чтобы скрыть и обезопасить ее, они прикрепляли ее открытой при помощи лент снизу посередине сиденья низенького резного табурета. Когда мой пра-пра-прадедущка читал ее своей семье, он переворачивал табурет себе на колени и листал страницы под лентами, крепившими Книгу. Кто-то из детей стоял в дверях, чтобы заблаговременно заметить появление церковного чиновника, бывшего членом духовного суда. В таком случае табурет переворачивали назад на ножки, и Библия оставалась в тайнике. Эту историю мне рассказал дядя Бенджамин. Моя семья оставалась в приходе Англиканской церкви до конца правления Чарльза II, когда некоторые священники, изгнанные за непринадлежность к государственной церкви, основали монастыри⁶ в Нортгемптоншире. Бенджамин и Иосия пристали к ним и остались с ними до конца своей жизни, а остальные семьи оставались при епископской церкви.

Иосия, мой отец, женился в юности и перевез свою жену вместе с тремя детьми в Новую Англию где-то в 1682 году. Запрещенные законом собрания неконформистов, на которые часто совершали нападения, заставили некоторых уважаемых людей из его окружения переехать в другую страну, где они надеялись наслаждаться свободой вероисповедания,

⁶ Тайные собрания инакомыслящих новообразованной церкви.

его самого они со временем убедили сделать то же самое. Его жена родила там ему еще четверых детей, а вторая родила еще десять. Всего у него было семнадцать детей. Я помню, как тринадцать из них сидели все вместе за его столом, все они выросли мужчинами и женщинами и поженились. Я родился в Бостоне, в Новой Англии⁷ и был младшим сыном и третьим младшим ребенком. Моя мать – вторая жена Иосия, Авия Фолгер, дочь Питера Фолгера, одна из первых поселенок Новой Англии, почетное упоминание о которой сделано Коттоном Матером⁸ в его церковной истории этой страны «*Magnalia Christi Americana*», то есть «Набожный, обученный англичанин», если мне не изменяет память. Я слышал, что он писал время от времени различные маленькие произведения, но только одно из них было напечатано, его я увидел много лет спустя. Его строки о том времени и людях той эпохи были написаны в 1675 году и адресовались людям, находившимся в правительстве. Он писал о свободе совести и о баптистах, квакерах и других сектантах, подвергавшихся преследованиям; описывал индийские войны и другие страдания, постигшие страну, как плату за преследо-

⁷ Франклин родился в воскресенье, 6 января (по старому стилю) 1706 года, в доме на Милк Стрит, напротив Олд Сауз Митинг Хауз, где его крестили в день его рождения во время снежной бури. Дом, в котором он родился, сгорел в 1810 году. Гриффин.

⁸ Коттон Матер (1663–1728) – священнослужитель, автор и научный деятель. Пастор в Норз Чарч, находящийся в Бостоне. Он брал активное участие в преследованиях «чародеев».

вания и решение Бога наказать за такой большой грех. Своими строками он призвал отменить эти немилосердные законы. В общем, они показались мне созданными с большой долей простоты и мужской свободы. Я помню шесть заключительных строк, хотя две первые строфы я забыл; но они были о том, что его призывы продиктованы доброй волей, и, следовательно, он является их автором.

Потому что всем сердцем своим ненавижу
Быть клеветником,
Вот вам мое имя —
Я из Шернбурнтауна, где теперь живу
Без обид, мой настоящий друг,
Я Питер Фольгьер.

Мои братья все пошли в подмастерья к разным ремесленникам. Меня в восемь лет отправили в грамматическую школу, поскольку отец собирался посвятить меня в качестве десятого⁹ из своих сыновей службе в церкви. Моя ранняя готовность научиться читать (я, наверное, научился очень рано, и не помню времена, когда не умел читать) и мнение его друзей, что из меня должен получиться хороший ученик, подтолкнули его к этой идее относительно меня. Так же думал и мой дядя Бенджамин. Он предложил отдать мне все его томики со скорописью церемоний, я думаю, про запас¹⁰.

⁹ Десятый.

¹⁰ Система скорописи.

Я продолжал обучение, хотя в грамматической школе пробыл больше года. В течение этого времени я постепенно продвинулся от среднего ученика своего класса в лучшие ученики, поэтому позже меня перевели в следующий класс, чтобы я с остальными учениками пошел в конце года в третий класс. Но мой отец, учитывая стоимость образования в колледже и имея такую большую семью, не мог платить, а учитывая посредственную жизнь, какую имели многие образованные люди (так объяснил он свое решение в отношении меня друзьям), изменил свое первоначальное решение и забрал меня из грамматической школы, чтобы отдать в школу письма и арифметики, которую содержал известный тогда человек, мистер Джордж Броунел – в целом очень успешный в своей профессии. Он сделал это мягко и всячески поощряя меня. Под его руководством я очень быстро научился хорошо писать, но начисто завалил математику и ничуть в ней не продвинулся. В десять лет меня забрали домой помогать отцу в его делах – изготовлении свечей и мыловарении. Этим делам его не обучали, но он сам их выбрал, когда приехал в Новую Англию, поняв, что его торговля красителями мало нужна здесь и не поможет ему содержать семью. Меня, значит, устроили нарезать фитиль для свечей, заполнять формы для плавленого воска и формы для литых свечей, ходить в магазин и по поручениям и тому подобное.

Я ненавидел торговлю и имел сильную тягу к морю, но мой отец выступал против этого. Однако, живя у моря, я лю-

бил все, что с водой связано: рано научился хорошо плавать и править лодкой. И когда я оказывался в лодке или каноэ с другими мальчиками, мне обычно позволяли управлять, особенно в случае каких-либо трудностей; в других ситуациях я обычно также был лидером среди юношей и иногда втягивал их в неприятности, об одной из которых расскажу, ведь она демонстрирует раннее проявление общественного духа, хотя и неправильно тогда проявленное.

За мельничной плотиной был солончак, на краю которого во время высокой воды мы, бывало, ловили пескарей. Топчась там постоянно, мы превратили его в трясину. Я предлагал построить на ее месте набережную, которая могла бы выдерживать нас всех, и показал своим друзьям большую кучу камней, находившуюся там для строительства нового дома возле солончака (эти камни очень хорошо подходили для наших нужд). Итак, вечером, когда рабочие ушли, я собрал немало своих товарищей по играм и, усердно работая с ними, как те муравьи (иногда мы таскали один камень вдвоем или втроем), мы перенесли их все и построили наш маленький пирс. На следующее утро рабочие были удивлены, увидев, что камня нет, и весь он использован для нашего пирса. Поступил запрос на разбор нашего сооружения, мы были разоблачены и на нас пожаловались. Некоторые из ребят получили нагоняй от родителей и, несмотря на то, что я отстаивал полезность нашей работы, мой отец заверил меня, что ничто не может быть во благо, если оно сделано нечестно.

Думается, тебе интересно было бы узнать кое-что о его личности и характере. У него было отлично сложенное тело, средняя, но хорошая осанка; он был очень сильным, сообразительным, умел хорошо рисовать, был немного обучен музыке и обладал чистым приятным голосом, таким, что когда он играл на скрипке псалмы, подпевая себе, как он однажды сделал вечером после рабочего дня, слушать его было одно удовольствие. Так же хорошо он умел работать руками и, если это было нужно, очень хорошо управлялся с другими инструментами торговца; но его самым большим талантом было то, что он хорошо понимал и правильно рассуждал о рискованных вопросах, как в частных, так и в общественных делах.

Последнее, правда, никогда не было его настоящей работой, ведь большая семья, которой он должен был дать образование, и скованность его положения держали его в торговле; но я хорошо помню, как часто посещали нас выдающиеся люди, спрашивали его мнения в делах города или церкви, к которой он принадлежал. Они выражали ему большое уважение за его суждения и советы: с ним также много советовались частные лица о своих делах, как только с ними случались какие-то неприятности, а также его часто выбирали арбитром в споре сторон. Так часто, как мог себе позволить, он любил принимать за своим столом достойного друга или соседа, беседовал с ним и всегда заботился о том, чтобы инициировать какую-нибудь остроумную или полезную тему

для разговора, которая хорошо повлияла бы на развитие его детей. Таким образом, он привлекал наше внимание к тому, что было добрым, справедливым и рассудительным в жизни; и мало или совсем не уделялось внимания за тем столом пище: красиво она подавалась или нет, сезонной была еда или не сезонной, вкусной или плохой, лучше или хуже другое блюдо; и я был воспитан в таком идеальном невнимании к таким вещам, что мне было абсолютно все равно, какую пищу ставят передо мной и, не придавая этому внимания до сих пор, я едва могу вспомнить, что у меня было на ужин, если меня спросить об этом через несколько часов после него. Это всегда было очень удобно для меня в путешествиях, где мои компаньоны иногда чувствовали себя очень несчастными, считая куда приятнее довольствоваться более деликатной пищей, из-за другого воспитания, вкусов и appetitов.



У моей мамы также было отлично сложенное тело: она

вскормила всех своих десятерых детей. Я никогда не видел, чтобы мои отец или мать чем-то болели, кроме, собственно, тех болезней, от которых они скончались: он в возрасте 89 лет, а она в 85. Они лежат, похороненные вместе, в Бостоне, где я несколько лет после их смерти поставил над их могилой мраморный памятник¹¹ с такой надписью:

Иосия Франклин и его жена Абая, лежат похороненные здесь.

Они жили вместе в любви в своем браке пятьдесят пять лет.

Без имени или какого-либо другого большого достатка, Постоянным трудом и трудолюбием, с Божиим благословением, Они содержали большую семью без нужды и вырастили тринадцать детей и семеро внуков в благочестии.

На этом примере, читатель, Будь старательным в своем призвании, И доверяй Провидцу.

Он был набожным и рассудительным мужчиной; Она – скромной и добродетельной женщиной.

Их самый младший сын,

В память о них

Поставил этот камень.

И.Ф., родился 1655, умер 1744, в 89 лет

Из-за моих беспорядочных отступлений я чувствую, что

¹¹ После того, как этот мраморный камень развалился, жители Бостона в 1827 году возвели на его месте гранитный обелиск высотой в двадцать один фут с оригинальным текстом, процитированным в «Автобиографии», и текстом, который рассказывает о сооружении монумента.

постарел. Когда-то я писал более методично. Однако человек одевается для частной компании и для публичного бала неодинаково. Это, пожалуй, лишь небрежность.

Поэтому вернемся. Я продолжил работу в бизнесе моего отца в течение следующих двух лет, то есть пока мне не исполнилось двенадцать. А мой брат Джон, который был обучен этому делу, оставив отца, женился и поселился на Род Айленде. Мне суждено было обеспечивать отцовский бизнес и самому стать изготовителем свечей. Однако моя нелюбовь к торговле не оставляла меня. Мой отец опасался, что если он не найдет мне дела по душе, я убегу и уйду в море, как, к его великому сожалению, поступил его сын Иосия. Поэтому он иногда брал меня пройтись с ним и посетить столяров, каменщиков, гончаров, медников и других за их работой, таким образом, он мог наблюдать мои склонности и пытаться направить их на какое-то ремесло на суше. Мне всегда было приятно видеть, как рабочие справлялись со своими инструментами, к тому же мне было полезно научиться немного чему-то, чтобы самому уметь делать небольшие починки в доме в случае, если не смогу позвать специалиста, а еще чтобы конструировать небольшие механизмы для моих экспериментов: тогда намерение экспериментировать во мне было живым и горячим. Наконец мой отец переориентировался на торговлю резаками, а Самюэль, сын моего дяди Бенджамина, которого научили в Лондоне этому делу, обосновался именно тогда в Бостоне. В этих обстоятельствах ме-

ня отправили на некоторое время к нему. Однако отец расстроился и забрал меня домой, когда оказалось, что Самюэль не собирался оставлять меня у себя бесплатно.

II. Начиная жизнь печатника

С детства я был влюблен в чтение, и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, я всегда тратил на книги. Захваченный «Путешествием Пилигрима», я собрал свою первую коллекцию из отдельных маленьких томов Джона Баньяна. (Речь идет о книге «The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come» («Путешествие Пилигрима из этого мира в грядущий» – *Прим. переводчика*). Затем я продал их, чтобы иметь возможность приобрести исторические коллекции Р. Бертона. Это были небольшие и дешевые книги путешествующих торговцев¹², я заплатил только 40 или 50 монет за все. Маленькая библиотека моего отца состояла главным образом из богословских книг, большинство из которых я прочитал, а потом часто с тех пор жалел, что когда я чувствовал такую жажду к знаниям, мне не попали в руки более подходящие книги, ведь теперь было решено, что мне не обязательно становиться священником. Одной из таких книг, которые я много раз перечитывал, была «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Я до сих пор думаю, что это время было использовано с большой пользой. Там также была книга Дефо под названием «Опыт о проектах», и другая – доктора Мезера «Стремление к добру», ко-

¹² Небольшие книги, которые продавали уличные торговцы.

торые, вероятно, и дали мне толчок, повлиявший на некоторые важные события моей будущей жизни.

Эта склонность к книгам подсказала моему отцу идею сделать из меня печатника, хотя один из его сыновей (Джеймс) уже был в этой профессии. В 1717 году мой брат Джеймс вернулся из Англии с прессом и буквами с целью начать свой бизнес в Бостоне. Это дело нравилось мне гораздо больше, чем отцовское, но все же моя тяга к морю была еще сильнее. Чтобы предотвратить предполагаемые последствия от этой тяги, моему отцу не терпелось привязать меня к брату. Некоторое время я противился, но в конце-концов меня убедили, и я подписал соглашение, когда мне было всего двенадцать лет. Теперь я должен был служить учеником, пока мне не исполнится двадцать один год. Мне должны были платить заработную плату подмастерья только в последний год службы. За короткое время я стал очень способным в этом деле и сделался правой рукой моего брата. Теперь у меня был доступ к лучшим книгам. Знакомство с учениками книжных торговцев дало мне возможность иногда занимать небольшие книги, которые я непременно возвращал вовремя и в хорошем состоянии. Часто, когда занимал книгу накануне вечером и должен был вернуть ее утром следующего дня, я проводил большую часть ночи в своей комнате за чтением, чтобы успеть ее прочитать.

А через некоторое время гениальный торговец мистер Мэтью Адамс, у которого была большая коллекция книг и

который часто заходил в нашу типографию, заметил меня и пригласил в свою библиотеку, чтобы любезно предложить мне для чтения книги, выбранные мною. Теперь я увлекся поэзией и написал несколько небольших произведений; мой брат, думая, что из этого может быть выгода, поощрял меня и сажал время от времени за написание баллад. Одна из них называлась «Трагедия Маяка». То был рассказ об утоплении капитана Вартилака вместе с двумя его дочерьми. Другая была моряцкой песней о взятии пирата Тича (или Черной Бороды). Это были убогие произведения, написанные в стиле Граб-стрит-баллад¹³. И когда их напечатали, брат отправил меня в город продавать их. Первая продавалась очень хорошо, поскольку описывала событие, наделавшее много шума. Это раздуло мое тщеславие. Однако отец отбил у меня охоту, высмеяв мои произведения и сказав, что все стихоплеты обычно нищие. Так вот я прекратил стихосложение. Вероятно, я был плохим поэтом. Но, поскольку написание прозы всегда в моей жизни было полезным навыком и стало главным средством моего прогресса, я расскажу вам, как приобрел свой небольшой талант в сложившихся обстоятельствах.

В городе был еще один молодой книголюб по имени Джон Коллинс, которого я хорошо знал. Иногда мы дискутировали и очень любили поспорить, стремясь переубедить друг друга. Такая склонность к спорам, между прочим, способна пре-

¹³ Груб-стрит – улица, известная в английской литературе как дом бедных писателей.

вращаться в дурную привычку, часто делая людей абсолютно невыносимыми в компании других, которые, в силу обстоятельств, применяют ее в жизненных ситуациях. То есть, кроме того, что она отравляет и портит разговор, она разжигает противостояние и враждебность там, где могла бы возникнуть дружба. Я постиг это, читая дискуссионные книги моего отца о религии. С тех пор я наблюдал, что люди со здравым смыслом редко имеют эту привычку, кроме юристов, работников университетов и различных людей, выросших в Эдинбурге.

Однажды в нашем с Колинсом разговоре возник вопрос об уместности образования женщин, и наличии у них способностей к обучению. Коллинс считал, что это неправильно и что женщины к этому не способны по своей природе. Я защищал противоположную сторону, возможно, частично ради поддержания спора. Естественно, он был более красноречивым, имел наготове множество слов и иногда, как мне казалось, побеждал меня скорее своим красноречием, нежели силой аргументов. Когда однажды мы надолго расстались, не назначив следующую встречу, и я знал, что мы не скоро еще увидимся, я сел, чтобы выложить свои аргументы в письме. Потом я их переписал набело и отправил своему другу. Он отписался, а я снова ответил. Мы отправили друг другу три или четыре такие письма перед тем, как мой отец случайно нашел нашу переписку и прочитал ее. Не слишком вдаваясь в дискуссию, он воспользовался возможностью по-

говорить со мной о манере моего письма. Он отметил, что хотя я имел преимущество над своим оппонентом в правильности написания и пунктуации (чему я обязан работе в типографии), я уступал ему в образности языка, в системе и ясности изложения. В этом он убедил меня несколькими примерами. Я согласился с его замечаниями и поэтому стал внимательным к своей манере письма и решил прилагать усилия для ее совершенствования.

Примерно тогда же мне попался третий номер «Спектатора»¹⁴. Я раньше никогда не видел ни один из этих журналов. Купив его, я читал и перечитывал его и был очень им доволен. Тексты в этом журнале казались мне прекрасными, и мне хотелось, если это возможно, писать подобные. С этой идеей в голове, я взял некоторые статьи и, записав короткие подсказки о каждом предложении, отложил их на несколько дней. Затем, не заглядывая в книгу, попытался воссоздать эти статьи, воспроизводя каждое предложение, к которому я оставил подсказку, так полно, как было записано в оригинальном тексте, подбирая слова, которые могли бы лучше пригодиться. Впоследствии я сравнивал мой «Спектатор» с оригиналом, находил некоторые свои ошибки и корректировал их. Однако я понял, что хочу иметь большой запас слов, быстро их вспоминать и использовать. Я счи-

¹⁴ Ежедневная лондонская газета, в которой публиковали сатирические эссе на социальные темы. Выпускалась Аддисоном и Стилем в 1711–1712 гг. «Спектатор» и его предшественник «Татлер» (1709) стали предвестниками начала периодической прессы.

тал, что должен научиться этому до того, как начну писать стихи, поскольку постоянная потребность в словах похожего значения, но разной длины, подходящей под стихотворный размер или под разный ритм, породила бы постоянную необходимость поиска вариантов, а также стремление запечатлеть эти варианты в своем уме, чтоб сделаться искусным в их использовании. Поэтому я брал истории и превращал их в стихи, а потом, когда достаточно забывал прозу, переписывал их обратно. Также порой я перемешивал свою коллекцию подсказок, а через несколько недель пытался воспроизвести их в наилучшем виде перед тем, как записать полные предложения и воспроизвести статью. Это должно было помочь мне научиться излагать мысли. Сравнивая свою работу с оригиналом, я находил много огрехов и поправлял их. Однако иногда мне было приятно представить, что в некоторых незначительных деталях, мне удалось усовершенствовать мое изложение, и это позволяло думать, что я могу со временем стать неплохим английским писателем, ведь у меня были незаурядные амбиции. Единственное время, которое я мог посвятить этим упражнениям, была ночь, время после работы, или утром до ее начала, или по субботам в типографии, когда я уединялся, избегая настолько это возможно совместного посещения общественных богослужений, к которым меня привлекал отец, в те дни, когда я находился под его опекой, и которые действительно считал своей повинностью. Я думал, что не могу, как мне казалось, позво-

лить и дальше практиковать это.



Когда в шестнадцать лет в мои руки попала книга, написанная Трионом, с рекомендациями растительной диеты, я решил перейти на нее. Мой брат, еще неженатый, вместо того, чтоб оставаться дома, уходил со своими учениками питаться в другую семью. Мой отказ от мяса приводил к неудобствам, и меня часто ругали за мое своеобразие. Я познакомился с методами Триона приготовления некоторых блюд, таких как вареный картофель или рис, простых пудингов и некоторых других, а потом предложил моему брату, давать мне еженедельно половину денег, которые он тратит на мое пропитание, чтоб я мог питаться самостоятельно. Он сразу же на это согласился, а я понял, что могу таким образом откладывать половину из того, что он мне платил. Это стало еще одним источником финансирования моих книг. И в этом было еще одно преимущество. Когда мой брат и другие шли из типографии на обед, я оставался там один и, справившись с моим скромным банкетом, который часто состоял из всего-навсего одного бисквита или кусочка хлеба, горсти изюма или пирога из пекарни со стаканом воды, оставшееся время до их возвращения посвящал обучению, делая большой прогресс благодаря той ясности головы и быстрому восприятию, которым обычно мешают еда и питье.

А еще, почувствовав однажды стыд за свои знания в арифметике, которую я дважды завалил, учась в школе, я взял «Арифметику» Кукере и самостоятельно прошел ее всю с

легкостью. Я также прочитал книги по навигации Ширме и Селлера, это помогло мне немного понять геометрию, но я так никогда и не продвинулся в этой науке слишком далеко. А еще примерно тогда же я прочитал произведение Джона Локка «Опыт о человеческом разумении»¹⁵ и «Искусство мышления» Мессера¹⁶.

С целью улучшить свою речь, я взялся за английскую грамматику (сдается мне, это была книга Гринвуда), в конце которой находились две маленькие зарисовки об искусстве риторики и логики, последняя заканчивалась образцом метода сократовского диспута¹⁷. Вскоре после этого я взялся за «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта, в которых приводится много примеров этого же метода, и был очарован этой книгой, освоил ее, отказался от своей привычки резкой аргументации, зато вооружился скромной любознательностью и сомнениями. А потом, читая Шафтсбери и Коллинса, я стал действительно сомневаться во многих пунктах религиозной доктрины и почувствовал, что этот метод самый без-

¹⁵ Джон Локк (1632–1704) – известный английский философ, основатель так называемой «философской школы здравого смысла». Он состваил конституцию для колонистов Каролины.

¹⁶ Отдельное сообщество ученых и набожных мужчин аббатства Пор-Рояль неподалеку от Парижа, где издавались научные трактаты, среди которых и тот, о котором тут идет речь, более известный как «Логика Пор-Рояля».

¹⁷ Сократ запутывал своих оппонентов аргументами, ставя им настолько мастерски придуманные вопросы, что ответы на них обязательно соответствовали позиции того, кто спрашивал, или указывали на ошибку оппонента.

опасный для меня и очень смущает тех, против кого я его применял. Итак, постоянно практикуя метод, я наслаждался им, стал довольно искусным и смышленным в убеждении даже тех людей, которые были умнее меня, делать уступки, последствий которых даже не предполагали, запутывая трудностями, из которых они не могли выпутаться, и таким образом запуская победы, которых не заслуживали ни я лично, ни вещь, которую я защищал. Я продолжал практиковать этот метод еще несколько лет, но постепенно оставил его, сохраняя лишь привычку выражаться средствами скромного недоверия. Когда я рассказывал о чем-то спорном, я никогда не использовал слова «безусловно», «несомненно» или любые другие, которые могли придать моему суждению абсолютно утвердительный тон. Я скорее говорил, что понимаю или чувствую вещь так или иначе; или: мне кажется; или: я должен думать об этом так и так по таким вот причинам; или: я представляю это именно так; или еще: это именно так, если я не ошибаюсь. Эта привычка, по моим представлениям, была моим большим преимуществом, когда мне предоставлялась возможность прививать мои взгляды и получать согласие людей на продвижение мероприятий, которыми я занимался время от времени. А поскольку главное в любой беседе – это поучать других или учиться самому, доставлять удовольствие или убеждать в чем-либо, то я бы хотел, чтобы умные люди с благими намерениями, не уменьшали силу воздействия своих доводов при помощи безапелляционной,

заумной манеры говорить. Это почти неизменно вызывает отвращение у слушателей, настраивает их недоброжелательно и, одним словом, приводит к достижению совершенно противоположных целей, в отличие от тех, для которых мы получили дар речи. Поскольку, если хотите знать, утверждающая и догматическая манера доказывать свою точку зрения может провоцировать противоречия и отвлекать внимание собеседника. Ведь вы хотите совершенствоваться и получать информацию из знаний вашего окружения и одновременно безапелляционно выражать свои мысли. Скромные, чувствительные люди, которые не любят ссор, вероятно, оставят вас наедине с вашими ложными представлениями. И, разговаривая в такой манере, вам редко придется надеяться на симпатию слушателей или на возможность убедить тех, с кем вы соревнуетесь в остроумии. Папа благоразумно говорил¹⁸: «Людей нужно учить так, будто ты их не пытаешься учить. И представлять незнакомые вещи так, как забытые знания». Еще одна установка: «Однако говорить уверенно, но с мнимыми сомнениями».

И, возможно, он сопровождал эту мысль строкой, которую продолжил следующей, по моему, менее подходящей: «Ведь стремление к скромности – это стремление к здравому смыслу».

И если вы спросите, почему это менее подходящее? Я по-

¹⁸ Папа Александр (1688–1744) – великий английский поэт первой половины XVIII в.

вторю эти строки: «Нескромные слова не имеют права на защиту. Ведь стремление к скромности – это стремление к здравому смыслу».

Так, разве «недостаток ума» (если человеку так не повезло, что ему его не хватает) не является некоторым извинением «недостатка скромности», и не правильнее было бы читать эти строки так: «Нескромные слова можно извинить только нехваткой скромности и недостатком ума».

Окончательно рассудить эту проблему я, однако, оставляю компетентным лицам.

Мой брат в 1720 или в 1721 году начал выпускать газету. Это была вторая газета, появившаяся в Америке¹⁹, она называлась «*New England Courant*». Единственная газета, существовавшая до нее – это «Бостонский новостной бюллетень». Я помню, как его друзья отговаривали брата от этого дела, как такого, которое не принесет успеха, ведь уже есть одна газета. Для Америки этого, по их мнению, вполне достаточно. Сегодня (1771 год) газет в Америке уже больше двадцати пяти. Однако он взялся за продвижение своей идеи, и я,

¹⁹ Память Франклина тут подводит. «Курант» на самом деле был пятой газетой, основанной в Америке, хотя ее, действительно, часто называют четвертой газетой, ссылаясь на факт, что «Public Occurrences» (досл. – «Публичные события»), основана в Бостоне в 1760 году, остановила свою работу после первого выпуска. Ниже предлагаем порядок появления других четырех газет: «The Boston News-Letter» («Бостонский новостной бюллетень»), 1704; «Бостонская Газета», 21 декабря 1791 года; «The American Weekly Mercury», («Американский еженедельный вестник»), «Филадельфия», 22 декабря 1719 года; «New England Courant» («Курант Новой Англии», 1721).

достаточно поработав за составлением шрифтов и печатью листов, устроился разносить по улицам газеты к читателям.

Среди его друзей было несколько гениальных людей, которые развлекались написанием маленьких статей для издания, из-за чего его газета получила больше доверия и спроса. Эти джентльмены часто нас посещали. Слушая их разговоры при утверждении статей и мысли, которые сопровождали принятие статей, я стремился попробовать себя в их деле. Однако я был еще мальчиком и думал, что мой брат не одобрит печать в своей газете моих произведений, как только узнает, что они мои. Поэтому я схитрил, скрыв свое авторство: написал анонимную статью и положил ее ночью под дверь типографии. Ее нашли утром, и друзья моего брата узнали о ней, собравшись вместе, как обычно они это делали. Прочитав и обсудив мою статью в моем же присутствии, они одобрили ее, чему я был несказанно рад. Этот разговор сопровождался различными догадками об авторе. Они перечисляли множество имен различных по остроумию и образованию мужей. Теперь мне кажется, что мне повезло с моими судьями, как и с тем, что они, вероятно, не были столь находчивыми, как я о них думал.

Ободренный результатом, я написал и отправил в печать несколько других статей, которые так же радушно приняли. Я сохранял свой маленький секрет, сколько мог. А когда уже не находил места от переполнявших меня чувств, разобла-

чил себя²⁰. Знакомые моего брата начали немного больше уделять мне внимания, что не очень ему нравилось. Брату казалось, вероятно, не без причины, что это взлелеет во мне гордость. И это, наверное, единственная причина, по которой мы тогда спорили. Он был моим братом и одновременно моим начальником, у которого я работал в учениках, и поэтому ожидал от меня тех же усилий, что и от других, хотя иногда мне и думалось наоборот: он многого от меня требует. Наши несогласия весьма часто приходилось решать отцу. И, мне кажется, то ли я чаще был прав, то ли просто лучше брата умел выпрашивать, поскольку юрисдикция отца была чаще на моей стороне. Тогда мой брат становился вспыльчивым и часто меня бил, что казалось совершенно неуместным. Считая свое ученичество слишком скучным, я постоянно искал возможности его сократить. Через некоторое время такая возможность неожиданно появилась.

Одна из наших заметок в газете, написанная на какую-то политическую тему (теперь я уже и не помню, о чем именно), показалась оскорбительной для Ассамблеи. Брата арестовали, осудили и посадили на месяц в тюрьму вместо автора статьи. Я думаю, что он не хотел выдавать своего автора. Меня также схватили и допросили перед советом. Несмотря на то, что мой допрос их не удовлетворил, они ограничились выговором и отпустили меня, считая, видимо, что я ученик, связанный клятвой верности со своим мастером.

²⁰ Опровергнуто.

Во время заключения моего брата, необычайно возмущавшего меня, несмотря на наши личные ссоры, я остался руководить газетой. И решился напечатать в ней несколько сатирических публикаций о наших управляющих. Некоторые тогда начали смотреть на меня искоса, видя во мне молодого гения, который имел склонность к клевете и сатире. Освобождение моего брата сопровождалось приказом (удивительно странным) от Управления, в котором говорилось, что «Джеймс Франклин больше не имеет права печатать «New England Courant»».

В нашей типографии по этому поводу состоялось совещание брата и его друзей относительно того, как ему быть в сложившейся ситуации. Некоторые предлагали обойти приказ, изменив название газеты. Но мой брат, понимая, какие могут быть последствия, решил в конце концов, что лучше будет продолжать издавать газету от имени Бенджамина Франклина. А чтобы избежать цензуры Ассамблеи, которая может быть применена к нему, ведь брат будет печатать газету руками своего ученика, решили вернуть мне мое старое соглашение с дубликатами, полностью его опровергнув и указав об этом на его обратной стороне, чтобы при случае можно было продемонстрировать. Также, чтобы узаконить меня в моих новых обязанностях, я должен был подписать новое соглашение на оставшийся срок моей службы, что оставалось нашей частной тайной. Эта схема была очень хрупкой. Однако, ей сразу же дали жизнь, и газета продолжила свое суще-

ствование, издаваясь несколько месяцев под моим именем.

В конце концов, провоцируя новое непонимание с братом, я взял на себя защиту своей свободы, предположив, что он не осмелится уничтожить новое соглашение. Конечно, это было нечестно с моей стороны пользоваться ситуацией в свою пользу. Теперь я считаю свой поступок первой серьезной ошибкой в жизни. Однако несправедливость этого поступка мало значила для меня. Ведь возмущенный последними событиями, брат слишком часто теперь сгонял свою злость на мне. В самом деле, он не был плохим человеком, возможно, это я тогда был слишком дерзким и взял за привычку провоцировать его.

Узнав, что я собираюсь уйти от него, он прилагал усилия, чтоб я не получил работу ни в одной другой типографии. Он ходил от одного мастера к другому и говорил с ними, после чего те, конечно, не брали меня на работу. Тогда я задумал уехать в Нью-Йорк – самый близкий город, в котором были другие типографии. Я был склонен оставить Бостон, ведь понимал, что уже достаточно разозлил правящую партию. А имея пример произвольного рассмотрения Ассамблеей дела моего брата, боялся, что, если бы остался, мог бы быстро оказаться в неприятной ситуации. К тому же, мои нескромные диспуты относительно религии могли сделать из меня неверующего или атеиста в глазах добрых людей. Я утвердился в этой мысли. Однако, принимая во внимание, что мой отец был теперь на стороне брата, моя попытка уйти открыто

могла закончиться вмешательством моей родни. Итак, мой друг Коллинс взялся немного помочь мне. Он договорился о моем путешествии с капитаном нью-йоркского шлюпа, зарекомендовав меня как своего юного знакомого. Итак, я продал несколько своих книг, чтобы заработать немного денег, после чего меня тайно взяли на борт. Нам повезло с сильным ветром, благодаря ему я через три дня оказался уже в Нью-Йорке, в 300 милях от дома – парень семнадцати лет, без единой рекомендации, не зная ни души в городе и с совсем маленькой суммой денег в кармане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.